

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Революция. Женское лицо

К 150-летию
А.М. Коллонтай

Сборник докладов
научной конференции
Санкт-Петербург.
31 марта 2022 г.

РОССПЭН

Москва
2022

А.И. Рупасов

А.М. КОЛЛОНТАЙ И ПЕРЕГОВОРЫ СО ШВЕЦИЕЙ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАЙМА

Ключевые слова: А.М. Коллонтай, отношения СССР со Швецией, переговоры, государственный заем.

Аннотация. В статье анализируется ход советско-шведских переговоров о предоставлении государственного займа, которые вели в Стокгольме полномочный представитель СССР Александра Коллонтай и торговый представитель Давид Канделаки. Несмотря на парафирование текста соглашения, советской стороне пришлось отказаться от его ратификации. Причиной отказа от ратификации являлось то обстоятельство, что со стороны Коллонтай и Канделаки не были в должной мере учтены шведские парламентские процедуры и внутриполитическая ситуация в Швеции.

A.I. Rupasov

A.M. KOLLONTAI AND NEGOTIATIONS WITH SWEDEN FOR A STATE LOAN

Keywords: A.M. Kollontai, USSR relations with Sweden, negotiations, state loan.

Abstract. This article analyses the course of the Soviet-Swedish negotiations on a state loan, led in Stockholm by Soviet plenipotentiary Alexandra Kollontai and trade representative David Kandelaki. Despite initialing the text of the agreement, the Soviets had to refuse to ratify it. The reason for not ratifying was that the Kollontai and Kandelaki had failed to take due account of Swedish parliamentary procedures and the internal political situation in Sweden.

С конца 1920-х гг. проблематика отношений со Швецией и другими Скандинавскими странами была передана из 1-го Западного отдела Наркомата по иностранным делам, который курировал

Борис Спиридонович Стомоняков, в 3-й Западный отдел (Западная Европа, США и британские доминионы), которым заведовал заместитель наркома М.М. Литвинов (с 1932 г. – нарком). При этом Б.С. Стомоняков сохранял свое влияние при определении тактики дипломатии в отношениях со Швецией, поскольку выстраивание взаимоотношений СССР с Финляндией и Прибалтийскими государствами (отчасти с Польшей) так или иначе требовали некоторого учета позиции Швеции по разным аспектам региональных и общеевропейских проблем, хотя и признавалось ограниченное влияние Стокгольма в решении этих проблем. Вместе с тем, отношения с Швецией затрагивали и компетенцию первого заместителя Литвинова Николая Николаевича Крестинского, курировавшего 2-й Западный отдел (Германия и Центральная Европа). Что касается сферы сугубо экономических отношений, то и полпредству, и торгпредству СССР в Швеции приходилось учитывать также позицию т.н. Берлинского центра, возглавлявшегося представителем НКВД в ранге заместителя наркома. Поскольку выработка конкретных решений в отношении Швеции зависела от нескольких лиц в центральном аппарате внешнеполитического ведомства, каждое из которых исходило из собственных представлений и оценок, положение, в котором оказывалась Александра Михайловна Коллонтай, становилось затруднительным. Между тем, у нее имелись собственные взгляды на место Швеции в международных отношениях и на ее значение для Советского Союза.

Преувеличенным представляется утверждение А.М. Коллонтай, сделанное ею в дневнике, о том, что «узлы мировой политики и Прибалтики скрещиваются в Стокгольме»¹. Это заявление можно рассматривать как своего рода подчеркивание особой значимости занимаемого ею полтора десятилетия поста. Впрочем, Коллонтай искренне верила, что ее мнение отражает истинное положение дел. Выступая на т.н. землячестве в полпредстве в мае 1932 г., она говорила: «Роль Швеции при военном конфликте: существенная база снабжения, база транзитная, база политическая. При военной нейтральности Швеции ослабевает военная активность Финляндии, усиливается нейтральность Норвегии и Дании. В наших интересах иметь “нейтральную” Швецию. Возможно ли? Кризис и крах Крюгера усиливает традиционную политику Швеции – наживы на войне, при нейтральности»². Энергия А.М. Коллонтай на посту

¹ Коллонтай А.М. Дипломатические дневники. 1922–1940. М.: Academia, 2001. Т. 2. С. 212.

² РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 54. Л. 22.

полпреда в Швеции неизменно искала выхода, но не находила. Ей очень хотелось, например, принимать активное участие в переговорах «Экспортлеса» со шведскими лесопромышленниками, но как бы она не стремилась в своих дневниковых записях акцентировать внимание будущего читателя на своей причастности к этим переговорам, однако, дело обстояло иначе. Руководство «Экспортлеса», как, впрочем, и Наркомата внешней торговли, отнюдь не приветствовало подключения к ним полпреда. Осведомленность Александры Михайловны в сложнейших советско-финляндско-шведских переговорах, тянувшихся с середины 1920-х гг. до 1935 г., целью которых было распределение квот на экспорт леса на европейских рынках, была минимальной. Впрочем, как и понимание ею проблем экспорта леса советской стороной. Уже ее краткая фраза, оброненная в дневнике после возвращения в октябре 1931 г. из поездки в Москву – «Вернулись обнадеженные, что лесными переговорами у нас интересуются» – должна свидетельствовать как о желании лишний раз подчеркнуть свою значимость в деле переговоров об экспортных квотах (при этом Коллонтай видела в этих переговорах только основу для улучшения отношений со Швецией¹), так и о недопонимании того, насколько высока была заинтересованность советской стороны. Скорее всего, Коллонтай не было известно о решении политического руководства СССР о затягивании переговоров со шведами при одновременной «максимально форсированной запродаже леса»². (Уместным будет заметить, что торгпред Давид Канделаки³, несмотря на хорошие отношения с Коллонтай, далеко не всегда посвящал

¹ Коллонтай А.М. Указ. соч. С. 72. Позже, в начале ноября 1931 г. она запишет, не понимая причин упорства сторон на переговорах: «[...] мне кажется, что проще было бы завести граммофонные пластинки, наговорив на них установки сторон. Все те же доводы, те же возражения и доказательства... В этот жуткий для человечества период экономического кризиса нам надо уметь поднять хозяйственный престиж Союза, извлечь все выгоды по линии экономики. Значит, довольно размышлений, назад к лесной проблеме» (Там же. С. 76–77). Запись от 28 февраля 1932 г. свидетельствует о том, что Коллонтай не стремилась вникать в перипетии переговорного процесса: «Переговоры по лесному соглашению сорвались из-за каких-то ничтожных 50 тысяч стандартов (sic!). Провалили это финны, шведы поддержали. Мы шли на большие уступки по квоте... Шведы и финны хитрят чего-то, врут нам» (Там же. С. 102).

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 95.

³ Остается неясным, было ли выполнено постановление Политбюро от 23 мая 1932 г., которым одобрилось предложение комиссии Рудзутака о торговой работе за границей, предусматривавшее учреждение в ряде европейских государств должности уполномоченного НКВТ (в том числе и в Швеции), который должен контролировать действия торгпредства (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 150).

полпреда в свои переговоры с представителями шведского бизнеса). Коллонтай вообще не имела представления о переговорах по этой теме, которые в 1931 г. проходили в Берлине и Копенгагене. Позже, в июне 1932 г. ведение переговоров с финнами и шведами Политбюро поручило Б.И. Краевскому, председателю «Экспортлеса» и члену коллегии НКВТ¹. Коллонтай к этим переговорам не подключали.

Александра Михайловна будет неоднократно добиваться поддержки М.М. Литвинова, чтобы получить назначение на другой пост, но единственное что тот сможет (или захочет) ей предложить – это непродолжительные командировки (так и несостоявшееся занятие ею поста временного поверенного во Франции в 1931 г. на время отпуска полпреда Довгалецкого, или в Швейцарию, когда в Лиге Наций обсуждались т.н. «женские вопросы»). По крайней мере, нарком ни разу не ставил перед политическим руководством вопрос о назначении Коллонтай на пост полномочного представителя СССР в какой-либо другой стране.

12 февраля 1932 г. А.М. Коллонтай сделала в дневнике примечательную запись: «НКВТ требует повышения нашего экспорта, жизненно важный вопрос – приток валюты. *Но я не ставлю пока вопрос перед кабинетом о кредитах* (выделено нами. – А. Р.). Нам сейчас это невыгодно. Наш экспорт в Швецию расширяется, цифры советского экспорта растут, импорта – падают (нет больших заказов)»². Минуло полгода, и позиция Коллонтай по вопросу о кредитах внезапно резко изменилась.

Довольно размеренная жизнь в Стокгольме претерпела некоторые изменения, когда к власти пришло правительство во главе с председателем Шведской социал-демократической рабочей партии Пером Альбином Ханссоном. Главной задачей нового кабинета стало преодоление последствий экономического кризиса. Неудивительно, что в ходе обстоятельной беседы, состоявшейся у Ханссона с Коллонтай 15 октября 1932 г., премьер, по словам полпреда, «стал с живостью говорить о том, что социал-демократия больше, чем другие партии, заинтересована в том, чтобы установить тесный контакт с Союзом в области хозяйственных интересов»³. Иными словами, Ханссон про-

¹ Кен О., Рупасов А. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928–1934. М.: Алгоритм, 2014. С. 336.

С исключающей полнотой о ходе этих переговоров нарком А. Розенгольц информировал И.В. Сталина и В.М. Молотова в своей записке от 31 мая 1932 г. АВП РФ. Ф. 09. Оп. 7. П. 55. Д. 5. Л. 153–158).

² Коллонтай А.М. Указ. соч. С. 100.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 15. 1 января – 31 декабря 1932 г. М.: Политиздат, 1969. С. 571.

явил заинтересованность в наращивании экспорта в СССР, но эту заинтересованность полпред воспринял с осторожностью, поскольку секретом полишинеля была напряженность с валютой при осуществлении импортных поставок. Возникшая после этой беседы пауза нашла оценку на страницах дневника Александры Михайловны в ноябре 1932 г.: «Наши дела со Швецией отходят в Москве на третий план, это я чувствую по письмам из Москвы»¹.

В том же ноябре 1932 г. заместитель наркома НКВД Б.С. Стомоняков писал Коллонтай: «[...] получается впечатление, что вопрос об установлении в Швеции государственной гарантии кредитов, предоставляемых при экспорте в СССР, уже созрел и близится к практическому разрешению. Само собой разумеется, нам не следует самим проявлять в этом вопросе какой бы то ни было активности»². Тем не менее, на рубеже 1932–1933 гг. по инициативе шведской стороны стала обсуждаться возможность предоставления займа. Параллельно проходившие переговоры об отказе от взаимных имущественных претензий, успешно завершившиеся весной 1933 г., создавали общую благоприятную атмосферу в двусторонних отношениях. В начале 1933 г. вопрос о государственных гарантиях кредитов трансформировался в вопрос о предоставлении займа фирмам, торгующим с СССР, готовым предоставлять подтоварные кредиты.

Задача Москвы сводилась к тому, чтобы заинтересовать корыстных шведов в выгодах торговли с СССР. Кроме того, в НКВД оценивали значимость т.н. шведского фактора при реализации задач СССР в Прибалтике. Сама Александра Михайловна в начале осени 1933 г. была вынуждена констатировать, что у Швеции нет реальной политической заинтересованности в СССР, «все эти “хорошие” отношения с полпредством – мыльный пузырь, если под этим нет экономической базы или политической общей задачи»³. В ходе обсуждения с членами кабинета Ханссона и представителями деловых кругов темы предоставления кредитов выяснилось, что одним из препятствий являлось обеспечение кредитов ценностями, находящимися в СССР. Именно по этой причине Стомоняков рекомендовал Коллонтай не ангажироваться и соблюдать большую осторожность⁴. Отказа от принципа обеспечения советской стороне удалось добиться от шведов только осенью 1933 г.

¹ Коллонтай А.М. Указ. соч. С. 133.

² Документы внешней политики СССР. Т. 15. С. 634.

³ Коллонтай А.М. Указ. соч. С. 186.

⁴ Письмо Стомонякова 13.02.1932 // Документы внешней политики СССР. Т. 16. С. 92.

Нарком Литвинов неизменно сохранял несколько ироничное отношение к Александре Михайловне, не разделяя ее взгляды на оценку влияния Швеции в международных отношениях с государствами востока Балтики (впрочем, нарком не считал искушенным в политических вопросах и Д.В. Канделаки). Руководство Наркомата иностранных дел фактически исключало возможность позитивного взаимодействия со Швецией в этом регионе. В результате в январе 1934 г. Коллонтай уклонилась от выполнения задания Литвинова прозондировать в беседе с главой МИД Швеции Р. Сандлером позицию Швеции в отношении возможных комбинаций в регионе.

В 1933 г. советская сторона попыталась трансформировать шведскую идею предоставления кредита торгующим с СССР фирмам в идею государственного финансового займа. Нарком М.М. Литвинов, выступавший за получение крупного подтоварного кредита у Великобритании, был против ведения переговоров с шведским правительством. Ему удалось в этом вопросе заручиться поддержкой И.В. Сталина. Только когда переговоры с Лондоном ни к чему не привели, то в Москве к идее получения займа в Швеции вернулись. В августе 1933 г. в Стокгольм приехал инкогнито нарком НКВТ Аркадий Розенгольц с женой. У него состоялись встречи с премьером, рядом министров, руководителем объединения экспортеров Бьерном Прютцем. Однако только в ноябре Розенгольц получил одобрение Политбюро ЦК ВКП(б) на ведение переговоров о финансовом займе. Переговоры в Стокгольме вели, с советской стороны, Коллонтай и Д.В. Канделаки, с шведской – директор департамента МИД Швеции Габриэльсон. Для Коллонтай предоставление Швецией займа представлялось не только экономическим, но и политическим прорывом.

К январю 1934 г. стороны достигли согласия по параметрам эвентуального соглашения, но перед Москвой стал вопрос о целесообразности подписания подготовленного текста соглашения. Коллонтай была этим встревожена. Вполне возможно, что тезисы февральского письма И.В. Сталину, которые она включила в свой дневник, передают в целом содержание письма. Она писала: «Политико-стратегическое значение Швеции во время войны (подступы к нашей границе). Роль Швеции в момент войны (экспорт, реэкспорт, заказы, высокое качество шведской продукции). Надо заручиться ее дружбой заблаговременно... сейчас момент для вкрапливания СССР в хозяйственные интересы Швеции»¹.

¹ Коллонтай А.М. Указ. соч. С. 211–212.

Быть может обращение к Сталину и сыграло свою роль, однако, скорее всего возникшие сомнения в выгодности соглашения, выражением чего было отсутствие настойчивости со стороны руководства НКВТ, побудило политическое руководство СССР прояснить ситуацию. В конце февраля 1934 г. А.М. Коллонтай и Д.В. Канделаки вызвали в Москву. По словам Коллонтай, нарком А.П. Розенгольц на вопрос Сталина почему заем предлагается брать у Швеции, в чем его выгода, не смог дать достаточно четкого ответа. Негативно относившийся к получению займа в Швеции глава НКИД М.М. Литвинов резонно заметил в ходе обсуждения: какой же это финансовый заем, если нужно закупать только шведские товары? Тем не менее, Политбюро присоединилось к мнению Сталина и одобрило подписание соглашения. Принятым 27 февраля постановлением НКВТ разрешалось подписать соглашение с шведским правительством о предоставлении им СССР «пятилетнего займа на сумму 100 миллионов шведских крон для покупки шведских товаров с выпуском 5,5 % облигаций Советским правительством на основе согласованного со Швед[ским] пра[вительством] проекта»¹. При этом Коллонтай и Канделаки поручалось «в особом формальном письме на имя министра, подписавшего соглашение, указать, что наше обязательство о размещении заказов в Швеции на сумму 100 миллионов шведских крон выполняется нами при условии приемлемых цен». В этом же письме следовало указать, что из соглашения должна быть устранена ссылка на возможность расторжения договора и что при всех обстоятельствах должны быть гарантированы сроки кредита по уже выданным заказам².

8 марта договор о займе был парафирован и 16 марта подписан А.М. Коллонтай, Канделаки и главой МИД Швеции Р. Сандлером. Однако настроение полпреда было непряздничным. «...мой оптимизм подорван, и предложение отпраздновать подписание в нашем клубе я отклонила. Сделала лишь деловой доклад активу», – записывала она в дневнике³. С опозданием она выражает свое сожаление, что Литвинов вовремя не остановил ее и Канделаки. Упрек едва ли являлся уместным.

Потребовалось всего несколько дней, чтобы в руководстве НКИД пришли к пониманию того факта, что, внося это предложение в риксдаг, шведское правительство не рассчитало свои силы. Случившееся было явным просчетом А.М. Коллонтай. Ее подвело недостаточное знакомство со шведскими парламентскими процеду-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 16. Л. 6.

² Там же. Л. 10.

³ Коллонтай А.М. Указ. соч. С. 221.

рами. Литвинов перед ее возвращением в Стокгольм из Москвы предупреждал о возможности провала в риксдаге. Коллонтай, однако, полагала, что закупка коров с фермы лидера Крестьянского союза Персона Брамсторпа позволит обеспечить голоса этой партии при голосовании в риксдаге, однако шведский политик категорически отказался от поддержки займа. Еще до процедуры голосования Р. Сандлер в частной беседе сказал Коллонтай, что оценивает шансы на успех всего в 10 %. В Политбюро, оценив ситуацию, 23 апреля 1934 г. приняли предложение М.М. Литвинова отказаться от соглашения. Для Коллонтай это было серьезным ударом. Допущенный ею промах был очевиден. Однако открыто признаться в этом даже своему другу «дорогому Ивану Михайловичу» (полпреду СССР в Финляндии Майскому) она не хотела. В отправленном ему 4 мая 1934 г. письме она заявляла: «Вы представляете себе, что нелегко мириться с тем, что неблагоприятное классовое соотношение сил усложнило решение вопроса. Во всяком случае, принятое Москвой решение, безусловно, правильно и в нашу пользу. Многие круги сейчас готовы каяться и ищут новых комбинаций, что пока, конечно, преждевременно. Во всяком случае, достигнуто одно, что постановка вопроса о товарном кредите стала анахронизмом. Это наш плюс»¹. Столь откровенно показать коллеге и другу, что она не разбиралась толком во внутривнутриполитической ситуации страны пребывания! Напористость, проявленная Александрой Михайловной при отстаивании идеи заключения соглашения о займе, свидетельствовала не столько о ее талантах как дипломата, сколько об осознании ею дефицита идей, воплощение которых в жизнь могло бы способствовать развитию советско-шведских отношений. Последнее, однако, зависело не от ее талантов, а от скромных возможностей СССР в тот период. Спустя шесть лет, в 1940 г. Швеция предоставила Советскому Союзу кредит на 100 миллионов шведских крон, и Коллонтай сделала в 1949 г. приписку к своим дневниковым записям: «Даже при временных срывах и неудачах, труды, затраченные на поприще дипломатии, никогда не пропадают бесследно, они со временем дают свои плоды и результаты, если прицел и курс взяты верно»². О том, что такого рода соглашение является анахронизмом, она не вспомнила.

¹ РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 354. Л. 2.

² Коллонтай А.М. Указ. соч. С. 236.